

УДК 811.134

ПОЕТИЧНИЙ ДИСКУРС: ЕСТЕТИЧНИЙ АСПЕКТ ТЕКСТУАЛЬНОСТІ

Н. П. Неборсіна (м. Київ)
linguist@univ.kiev.ua

Доктор філологічних наук, професор кафедри англійської філології Інституту філології
Київського національного університету імені Тараса Шевченка
(Міністерство освіти і науки України)
01601, м. Київ, бульвар Тараса Шевченка, 14

У статті естетичний аспект текстуальності розглядається як діалектична єдність категорії художнього (матеріальна форма) і категорії поетичного (внутрішня форма). Особливу увагу приділено засобом репрезентації естетичного факту в англомовному поетичному дискурсі, що об'єднуються поняттям «формула пафосу».

Ключові слова: естетичний факт, формула пафосу, С. М. Ейзенштейн.

POETIC DISCOURSE: THE AESTHETIC ASPECT OF TEXTUALITY

N. P. Neborsina (Kyiv, Ukraine)
linguist@univ.kiev.ua

DSc (Philology), professor of English Philology Department, Institute of Philology,
Taras Shevchenko Kyiv National University
(Ministry of Education and Science of Ukraine)
14, Taras Shevchenko Blvd., Kyiv, Ukraine, 01601

The paper looks at the aesthetic aspect of textuality and considers it as a dialectical unity of two categories – the category of artisticity (the material form) and the category of poeticity (the inner form). The attention is drawn to the means of representation of the aesthetic fact which are related to the notion “the formula of pathos”.

Keywords: aesthetic fact, formula of pathos, S. M. Eizenshtein.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Н. П. Неборсина (г. Киев, Украина)
linguist@univ.kiev.ua

Доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института филологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
(Министерство образования и науки Украины)
01601, г. Киев, бульвар Тараса Шевченко, 14

В статье эстетический аспект текстуальности рассматривается в диалектическом единстве категории художественного (материальная форма) и категории поэтического (внутренняя форма). Особое внимание уделяется приёмам репрезентации эстетического факта в англоязычном поэтическом дискурсе, объединённые понятием «формула пафоса».

Ключевые слова: эстетический факт, формула пафоса, С. М. Эйзенштейн.

*«... наша настоящая задача <...>
состоит в том, чтобы воспринять
и усвоить то, что передаётся нам
благодаря напряжению формы и
высоте творческого решения».*

(Гадамер Г.-Г.)

Текст, как известно, является предельной единицей языка. Объективные характеристики текста вмещает в себя понятие текстуальности. Эстетический аспект текстуальности стихотворного текста, который является **объектом** исследования в данной статье, ассоциируется главным образом с версификационным опытом. Расширить план выражения эстетического в поэтическом дискурсе является **целью** нашего исследования.

В 1984 году Р. А. Будагов констатировал, что лингвистике так и не удалось широко поставить проблему эстетики и языка, сформулировав свою точку зрения в двух положениях, в которых эстетика языка¹ определяется как «ресурсы и возможности языка», а эстетика речи как «реализация этих ресурсов», т. е. выразительных возможностей. При этом Р. А. Будагов обращает внимание на необходимость функционального подхода к изучению эстетики языка

¹ О которой, как известно, впервые заявил Б. Кроче в 1902 г.

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ, ПРАГМАТИКИ ТА КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ
[ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ, ПРАГМАТИКИ И КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ]

Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна
[Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина]

<http://philology.knu.ua/node/318>

художественной литературы: с одной стороны, изучение такой «работы» языка, которая усиливает коммуникативную функцию, функцию выражения мыслей и чувств, а с другой – эстетическое восприятия языка художественного воспроизведения, которое связано с идеей, а также индивидуальным стилем художника [1, с. 266–268].

Проблема взаимоотношения эстетики языка и эстетики речи становится по-настоящему **актуальной** в XXI веке в связи с небывалым ростом исследовательского интереса к познавательной функции языка. По этой причине представляется своевременным обращение к эстетической теории Б. Кроче, центральным положением которой является утверждение о двух формах познавательного духа – интуитивного познания (искусство) и интеллектуального (наука), совпадающие со стороны эстетического [2]. Полный процесс эстетического творчества символически представлен Б. Кроче в виде нескольких пунктов: 1) впечатление; 2) выражение или духовный эстетический синтез (эстетический факт); 3) перевод эстетического факта на язык физических явлений (звуков, тонов, движений, комбинаций и т. п.). При этом Б. Кроче подчеркивает, что действительно эстетическим и подлинно реальным может быть признан лишь пункт второй [2, с. 103]. Выражение, по Б. Кроче, представляет собой некоторое неделимое целое, единственной реальностью которого есть *предложение*, в котором мы должны видеть выразительный организм законченного содержания [2, с. 151]. Вместе с тем Б. Кроче не упускает из внимания эстетическое, которое опережает материальную репрезентацию эстетического факта. В этом последователем Б. Кроче был М. М. Бахтин, когда утверждал следующее: «Форма, понятая как форма материала только в его естественнонаучной – математической или лингвистической – определенности, становится каким-то чисто внешним, лишённым ценностного момента, упорядочиванием его. Остаётся совершенно непонятой эмоционально-волевая напряжённость формы, присущий ей характер выражения какого-то ценностного отношения автора и созерцателя к чему-то помимо материала, ибо это, выражаемое формой – ритмом, гармонией, симметрией и другими формальными моментами, – эмоционально-волевое отношение носит слишком активный характер, чтобы его можно истолковать как отношение к материалу» [3, с. 33].

Из изложенного выше можно сделать вывод о том, что эстетическое, применительно к поэтическому дискурсу, должно быть понято как диалектическое единство двух категорий: художественного (материальной формы) и поэтического (внутренней формы). Понятие внутренней формы (внутреннем эйдосе) впервые встречается, по свидетельству А. Ф. Лосева, у Плотина (III в.) в его трактате «О прекрасном». Излагая суть трактата, А. Ф. Лосев

(Problems of linguistic communications)

Poetic discourse: the aesthetic aspect of textuality (in Russian) [Poetychnyj dyskurs: estetychnyj aspekt tekstual'nosti]

© Neborsina N. P. [Neborsina N. P.] linguist@univ.kiev.ua

PROBLEMS OF SEMANTICS, PRAGMATICS AND COGNITIVE LINGUISTICS
 [PROBLEMY SEMANTYKY, PRAHMATYKY TA KOHNITYVNOI LINGVISTYKY]

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

<http://philology.knu.ua/node/318>

пишет: «Внутренний эйдос объединяет разрозненную множественность и приводит её к неделимому единству, осмысляя дискретные части при помощи целого. Но когда это целое уже имеется, то эйдос передаёт себя уже всему целому, которое таким образом, превращается в *выраженное* целое, а не просто плоское целое» [4, с. 445]. Здесь можно продолжить словами Б. Кроче: «Действительно, если отвергнуть возможность того, чтобы составляло собою содержание искусства, если отвергнуть в этой роли и историческую реальность, то не останется никакого другого содержания, кроме реальности в её первичности и непосредственности, в жизненном *порыве*, в её *чувствовании* или, повторяю, ничего кроме чистой интуиции» [2, с. 28]. Можно предположить, что приведённое выше высказывание Б. Кроче вдохновило О. Мандельштама на такое определение поэтического: «Поэтическая материя не имеет голоса. Она не пишет красками и не изъясняется словами. Она не имеет формы точно так же, как лишена содержания, по той простой причине, что она существует лишь в исполнении. Готовая вещь есть не что иное, как каллиграфический продукт, неизбежно остающийся в результате исполнительного порыва» [5, с. 275].

Ключевым словом в приведенных выше цитатах является «порыв», движение как принцип красоты. Для понимания его функциональной нагрузки обратимся к работе М. Хайдеггера «Из разговора о языке», в которой автор выясняет суть эстетического с профессором Токийского Королевского университета. Среди прочего, японец, пытается дать эстетическое толкование японскому слову «*ики*», а именно вывести «*ики*», переведённое как «то, что притягивает», исходя из отношения между субъектом и объектом, причём привлекательность принадлежит не сфере впечатлений, а тишине, которая вызывает самозабвенный восторг [6, с. 123–124]. В продолжении разговора становится понятно, что японское слово, обозначающее «язык» – «*кото ба*» называет листья, лепестки цвета (*ба*) и дуновение тишины (*кото*), то что распространяет запах и силу, которая делает возможным приход самозабвенного восторга; явление проясняющего послания (*вести*), творчески-плодотворной зачарованности [6, с. 126]. Таким образом, суть эстетического, по меркам японского искусства, состоит в чувственном свечении, сквозь самозабвенный восторг которого просвечивает сверхчувственное [6, с. 93]. Во истину сказано: «Всё идеальное есть не что иное, как аромат и цвет реального» [7, с. 19]. Для эстетики самозабвенного восторга С. М. Эйзенштейн предложил термин «формула пафоса», имея в виду «некое психическое состояние, с которым автор хочет связать свою тему в порядке неизгладимого впечатления на аудиторию» [8, с. 199]. Интересуясь техникой создания и технически композиционной

© Неборсіна Н. П. [Неборсіна Н. П.] linguist@univ.kiev.ua

Поетичний дискурс: естетичний аспект текстуальності (Російською) [Поетичний дискурс: естетичний аспект текстуальності (На рус. яз.)]

(Проблеми комунікативної лінгвістики [Проблемы коммуникативной лингвистики])

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ, ПРАГМАТИКИ ТА КОГНИТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ
[ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ, ПРАГМАТИКИ И КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ]

Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна
[Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина]

<http://philology.knu.ua/node/318>

характеристикой произведений пафоса, С. М. Эйзенштейн обнаружил, что «невзирая на лица, эпохи или области, совершался базисный экстатический взрыв, лежащий в основе поэтического эффекта целого. Этот признак «всеобщности» свойственен всем более или менее основным стабильным методам, определённым образом впечатляющих средств художественной выразительности» [8, с. 200].

Рассмотрим на конкретном примере то, каким образом поэт следует «формуле пафоса» [9, с. 106]:

Monotone

*The monotone of the rain is beautiful,
And the sudden rise and slow relapse
Of the long multitudinous rain.*

*The sun on the hills is beautiful,
Or a captured sunset sea-flung,
Bannered with fire and gold.*

*A face I know is beautiful –
With fire and gold of sky and sea,
And the peace of long warm rain.*

(Carl Sandburg)

В приведённом выше стихотворении поэт пишет о вещах, которые впечатляют своей первозданной красотой, а именно – о неожиданно наступающем и медленно затихающем дожде (*the sudden rise and slow relapse*), о закате солнца, пойманном морским горизонтом (*a captured sunset sea-flung*). Неожиданную метонимическую референцию к женской красоте (*A face I know is beautiful*) завершает синтетический образ, в котором отражается слияние солнца, моря (*With fire and gold of sky and sea*) и дождя (*And the peace of long warm rain*).

Трёхкратный повтор лексемы *beautiful* в начале каждой строфы завершается пунктуационным знаком тире, который символически указывает на «формулу пафоса», на быстротечность созерцания сверхчувственной красоты.

Повторность нагромождения сквозь многообразие и вариации единой темы, единого образа, единого поэтического размера С. М. Эйзенштейн относит к неотъемлемому признаку поэтического письма [8, с. 126].

Интенсификация впечатлений достигается повторностью приёмов выразительности. Так, например, в стихотворении [9, с. 42]:

*I walked into the wood in June
And suddenly Beauty, like a thick scented veil,
Stifled me,*

(Problems of linguistic communications)

Poetic discourse: the aesthetic aspect of textuality (in Russian) [Poetychnyj dyskurs: estetychnyj aspekt tekstual'nosti]

© Neborsina N. P. [Neborsina N. P.] linguist@univ.kiev.ua

PROBLEMS OF SEMANTICS, PRAGMATICS AND COGNITIVE LINGUISTICS
 [PROBLEMY SEMANTYKY, PRAHMATYKY TA KOHNITYVNOI LINGVISTYKY]

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

<http://philology.knu.ua/node/318>

*Tripped me up, tight round my limbs,
 Arrested me.*

(T. E. Hulme)

Созерцание июньской красоты природы поэт выражает не прямыми, а опосредованными интуициями: метафорические выражения (*Stifled me, Tripped me up, Arrested me*) объединены содержанием внезапного плена.

Интересным материалом для изучения впечатляющих средств художественной выразительности является совпадение стихового и синтаксического членения, результатом которого является enjambement.

Для иллюстрации рассмотрим фрагмент из произведения В. Вордсворта “The Prelude”, изданного в двух вариантах (1805 г., 1850 г.) [10, с. 66]:

*Yes, I remember when the changeful earth,
 And twice five seasons on my mind had stamped
 The faces of the moving year, even then,
 A child, I held unconscious intercourse
 With the eternal beauty, drinking in
 A pure organic pleasure from the lines
 Of curling mist, or from the level plain
 Of waters coloured by the steady clouds.*

(William Wordsworth, 1805)

Анализ приведенного выше фрагмента показывает, что его фразировку можно с полным основанием определить как эмоционально-влияющую, поскольку автор последовательно использует систему знаков конца строки для актуализации: 1) связи прямого объекта (... *had stamped / The faces ...*; ... *drinking in / A pure organic pleasure*), 2) связи предложного объекта (*I held unconscious intercourse / With the eternal beauty*) и 3) атрибутивной связи (*the lines / Of curling mist ...*; *the level plain / Of waters ...*).

В этой системе синтаксических связей особое место занимает связь предложного объекта (*I held unconscious intercourse / With the eternal beauty*), поскольку является эмоциональным фокусом фрагмента, в ней выражена эмоция особой значимости, указывающая на исключительную природную чувствительность, которая сформировала эстетический идеал поэта: наблюдать приливы и отливы разума, взволнованного более или менее значительными чувствами.

Посмотрим теперь, какой модификации подверглась отмеченная выше система синтаксических связей во второй редакции рассматриваемого фрагмента [10, с. 67]:

Yes, I remember when the changeful earth,

© Неборсіна Н. П. [Неборсіна Н. П.] linguist@univ.kiev.ua

Поетичний дискурс: естетичний аспект текстуальності (Російською) [Поетичний дискурс: естетичний аспект текстуальності (На русс. яз.)]

(Проблеми комунікативної лінгвістики [Проблемы коммуникативной лингвистики])

*And twice five summers on my mind had stamped
The faces of the moving year, even then
I held unconscious intercourse with beauty
Old as creation, drinking in a pure
Organic pleasure from the silver wreaths
Of curling mist, or from the level plain
Of waters coloured by impending clouds.*

(William Wordsworth, 1850)

Как видим, фразировка фрагмента подверглась переосмыслению прежде всего в той его части, где сосредоточен его эмоциональный фокус. Совместив фразу *I held unconscious intercourse with beauty* с границами стихотворной строки, автор перевёл её из временного в пространственный план восприятия. Понять мотивированность этой трансформации не представляется сложным, ибо поэт вводит в текст фрагмента новую, атрибутивную связь (*I held unconscious intercourse with beauty / Old as creation*). Включение постпозитивного атрибута *Old as creation* свидетельствует о модификации чувства и появление новых ассоциаций.

Выводы

Эстетический компонент текстуальности в поэтическом дискурсе определяется взаимной связью двух категорий: категории художественного, которая конституируется тропами и фигурами речи, и категории поэтического, содержанием которой является концептуализация особенностей перцепции окружающего мира. При этом её полноту характеризует «герменевтическая сопряжённость» чувственного, реального, вдруг появившегося визуального образа, и сверхчувственного, идеального, неожиданно возникшего чувства. «Герменевтическая сопряжённость» реального и идеального актуализируется в «форме пафоса», т. е. такими эстетическими фактами, как повторность, метафора, напряжения синтактико-стихового членения, которые выполняют функцию пропорционального членения поэтического текста.

Перспективы дальнейших исследований

Отождествление пропорциональности с прекрасным, уходящая к античным временам, было положено, как известно, в основу эстетической теории классицизма, центральным понятием которой является гармония, обеспечивающая единство целого во всей его полноте. Структурные изменения, которым подвергается классическая модель миропонимания, оказывают влияние на дискурсивный континуум поэтического текста. В связи с этим перспективным представляется исследование особенностей «патетизации» поэтического дискурса в рамках неклассической, постмодернистской эстетики.

PROBLEMS OF SEMANTICS, PRAGMATICS AND COGNITIVE LINGUISTICS
[PROBLEMY SEMANTYKY, PRAHMATYKY TA KOHNITYVNOI LINGVISTYKY]

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

<http://philology.knu.ua/node/318>

Литература

1. Будагов Р. А. Эстетические возможности языка / Рубен Александрович Будагов // Писатели о языке и язык писателей. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – С. 266–268.
2. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика / Бенедетто Кроче. – М. : Intrada, 2000. – 171 с.
3. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве / Михаил Михайлович Бахтин // Литературно-критические статьи. – 1986. – С. 33.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / Алексей Фёдорович Лосев. – М. : Мысль, 1981. – 767 с.
5. Мандельштам О. Э. Разговор о Данте / Осип Эмильевич Мандельштам // Избранное / сост., автор предисл. и коммент. П. М. Нерлер. – М. : СП Интер-принт, 1991. – С. 220–276.
6. Гайдеггер М. Из розмови про мову / Мартін Гайдеггер ; [пер. з нім. В. Кам'янця] // Дорогою до мови. – Львів : Літопис, 2007. – С. 81–134.
7. Григорьев А. А. Сочинения : в 2-х т. / Аполлон Александрович Григорьев. – Т. 2 : Статьи; Письма / сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. – М. : Худож. лит., 1990. – С. 19.
8. Эйзенштейн С. М. Избранные произведения в шести томах / Сергей Михайлович Эйзенштейн. – Т. 3 : Теоретические исследования 1945–1948 гг. – М. : Искусство, 1964. – 672 с.
9. *Modern Poetry in Miniature. An Anthology of the finest Imagist poems* / ed. by William Pratt. – N. Y. : A Dutton Paperback Original, 1963. – P. 42.
10. *Wordsworth W. The Prelude: A Parallel Text* / William Wordsworth ; ed. by C. J. Maxwell. – Penguin Classics, 1977. – 576 p.

References

1. Budagov R. A. *Jesteticheskie vozmozhnosti jazyka. Pisateli o jazyke i jazyk pisatelej*. Moskva, Izdatel'stvo MGU, 1984, s. 266–268. (In Russ.).
2. Kroche B. *Jestetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshhaja lingvistika*. Moskva, Intrada, 2000. 171 s. (In Russ.).
3. Bahtin M. M. *Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom tvorcestve. Literaturno-kriticheskie stat'i*. 1986, s. 33. (In Russ.).
4. Losev A. F. *Istorija antichnoj jestetiki. Pozdnij jellinizm*. Moskva, Mysl', 1981. 767 s. (In Russ.).
5. Mandel'shtam O. Je. *Razgovor o Dante. Izbrannoe*. Moskva, SP Inter-print, 1991, s. 220–276. (In Russ.).
6. Gajdeg'g'er M. *Iz rozmovy pro movu. Dorogoju do movy. Pereklad z nim. V. Kam'jancja*. L'viv, Litopys, 2007. s. 81–134. (In Ukr.)
7. Grygor'ev A. A. *Sochynenija : v 2-h t. T. 2 : Stat'y; Pys'ma*. Moskva, Hudozh. lyt., 1990, s. 19. (In Russ.).
8. Эizenshtejn S. M. *Yzbrannye proyzvedenija v shesty tomah. T. 3 : Teoretycheskye yssledovaniya 1945–1948 gg*. Moskva, Yskusstvo, 1964. 672 s. (In Russ.).
9. *Modern Poetry in Miniature. An Anthology of the finest Imagist poems*. Ed. by William Pratt. N. Y., A Dutton Paperback Original, 1963, p. 42.
10. Wordsworth W. *The Prelude: A Parallel Text*. Ed. by C. J. Maxwell. Penguin Classics, 1977. 576 p.

© Неборсіна Н. П. [Неборсіна Н. П.] linguist@univ.kiev.ua

Поетичний дискурс: естетичний аспект текстуальності (Російською) [Поетичний дискурс: естетичний аспект текстуальності (На русс. яз.)]

(Проблеми комунікативної лінгвістики [Проблемы коммуникативной лингвистики])